

Зощенко спас меня от самоубийства

Общая газ. - 1995 - 13 апр. - с. 16.

ИТАР-ТАСС

Дмитрий Шостакович 1963 г.

ЗЕЛИЧАЙШИМ специалистом по депрессии, отчаянию, меланхолии и подобным явлениям из всех людей, которых я встречал в жизни, был Зощенко.

Я не обладал зощенковской решительностью и силой воли. Зощенко прямо отвергал идею красного Льва Толстого или красного Рабиндраната Тагора и те зачатки и восходы, которые описывались в шестистой прозе.

Ему казалось, что если он напишет о смерти с иронией, то перестанет ее бояться. Одно время я был с ним согласен и даже написал на эту тему произведение — «Макферсон перед казнью», по стихотворению Роберта Бернса. Но потом я решил, что Зощенко, видимо, так и не сумел преодолеть страха смерти. Он лишь стремился убедить себя и других, что достиг этой цели.

Зощенко создал собственный психоаналитический метод, который называл «самоисцелением». Он сам вылечился от истерии и меланхолии. Докторам Зощенко не верил.

Он считал, что от тоски и депрессии можно избавиться самостоятельно. Нужно только понять, чего же ты боишься. Когда человек ясно представляет причину собственных страхов, депрессия исчезает. Страхи надо «распутать».

Во многом Зощенко был прав. Ошибался он, по-моему, только в том, что искал корни страхов в раннем детстве. В конце концов, он и сам говорил, что в зрелом возрасте вероятность катастрофы больше, потому что именно в это время назревают неврозы. В зрелом возрасте приходит настоящий страх.

Конечно, страх сопровождает нас всегда. С раннего детства. Но дети боятся не так, как взрослые.

Ребенком Зощенко боялся нищих. Точнее, протянутых рук. Он боялся воды. Боялся женщины.

Того же умер от страха смерти. Впервые я услышал об этом от Зощенко.

Я пытался убедить себя, что не боюсь смерти. В этом плане я следовал взглядам Зощенко, пытаясь найти в них поддержку, хотя и считал их несколько нинимыми. Разве можно не бояться смерти?..

Говорят, что спящий всегда ходит без сна, и никто не подтверждает эту забытую истину лучше, чем Зощенко. Он был самым популярным юмористом моей молодости, и он популярен до сих пор, несмотря на все запреты и тонения. Над его рассказами смеялись миллионы людей. Наверное, это было не очень осведомленные или не очень культурные читатели, потому что они смеялись, что следовало бы плакать. Они смеялись над теми произведениями Зощенко, которые лично мне кажутся трагическими. Но дело не в моем мнении. Зощенко считают великим юмористом, на самом же деле это был человек, которого терзали хандра и меланхолия.

Я говорю сейчас не о его трагической литературной судьбе и не о том, что он был вынужден писать все хуже и хуже, так что я не могу читать его последние вещи без чувства горечи и разочарования.

Нет. Зощенко умирал от тоски, когда еще ничто не предвещало его печальной судьбы, когда у него были слава и деньги. Зощенковская апатия не была литературным кокетством. Он действи-

тельно чуть не умер от депрессии: не мог выходить из дому, не мог есть. Лекарства и уколы не помогали. Зощенко был еще молодым человеком, ему не исполнилось и двадцати семи; он решил побороть болезнь без помощи докторов, потому что ему казалось, что доктора не понимают причин его страха и необычайной тоски.

С грустным смехом Зощенко рассказывал мне о визите к психиатру, которому он описал свои сны о тиграх и тянущейся к нему руке. Доктор, специалист по психике, доктор, специалист по психоанализу, тут же ответил, что значение этих снов очевидно. По его словам, Зощенко в слишком раннем возрасте повели в зоопарк, и слон напугал ребенка огромным хоботом. Рука была хоботом, а хобот — фаллическим символом. Таким образом, у Зощенко обнаружилась сексуальная травма.

Зощенко был уверен, что доктор ошибался и страх перед жизнью происходил от других причин, ведь не все наши импульсы сводятся к сексуальному влечению. Страх может укорениться в сердце человека и по социальным мотивам.

Страх возникает по более простым и реальным обстоятельствам: из боязни лишиться пищи, из боязни смерти или ужасного наказания. Зощенко говорил, что человек, испытывающий страх такого рода, в целом может оставаться нормальным, а болезнь обнаруживается лишь в некоторых странностях и причудах. Такие причуды помогают понять причину недуга лучше, чем анализ сновидений, потому что странное поведение почти всегда инфантильно.

...Пациенты начинают всячески изворачиваться, и, когда болезнь принимает такой оборот, все зависит от силы сопротивления психики пациента, противодействующей силе недуга. Потому что, если страх растет, он может привести к полному разрушению личности.

Чтобы избежать опасности, человек начинает думать о самоубийстве. Что же такое самоубийство? Зощенко объяснил мне и это. Он объяснил, что смерть может восприниматься как спасение. Дело в том, что ребенок еще не понимает, что такое смерть, он видит только, что смерть — это отлучение. Он видит, что можно просто уйти — и тем самым избавиться от опасности. Таким уходом ребенок и считает смерть, поэтому она его не пугает.

Когда человек болен, то его чувства равносильны чувствам ребенка. Это низшая ступень его психики, и ребенок страшится опасности гораздо больше, чем смерти. Самоубийство — поспешное спасение от опасности. Это поступок ребенка, который панически напуган жизнью.

В моей безрадостной жизни произошло много печальных событий, но были моменты, когда опасность зловеще стучалась, становилась почти осязаема, и тогда страх усиливался... Я был близок к самоубийству. Опасность казалась такой сильной, что другого выхода я не видел.

Я очутился в полной власти страха. Я больше не чувствовал себя хозяином собственной жизни, прошлое мое было перечеркнуто, моя работа, мои способности оказались никому не нужны. Будущее представлялось ничуть не менее мрачным. Отчаявшись, я захотел исчезнуть, это

Из воспоминаний Дмитрия Шостаковича

Многие мемуаристы, наблюдавшие Зощенко и Шостаковича вместе, называют их отношения дружбой. Это не совсем так. Да, оба они были очень друг в друге заинтересованы, очень тянулись друг к другу, но что-то в каждом из них сопротивлялось последнему шагу.

Что же? Зощенко был старше Шостаковича на двенадцать лет... Может быть, разница в возрасте?

Шостакович был энергичный, страстный человек; Зощенко напротив — меланхоличный, с закрытыми чувствами... Может быть, несовпадение темпераментов?

Природа одарила великого музыканта еще и безупречным литературным вкусом, в то время как у великого писателя с музыкальным слухом были, как говорится сегодня, большие проблемы... Так может быть, здесь причина: в неравном восприятии ими искусства друг друга?

Гадать можно долго, но лучше прочтем, что написал об их отношениях один из них. В письме к М. Шагиняна (1941 г.), попросившей высказать свое мнение о Шостаковиче, Зощенко писал: «Я очень люблю Дм. Дм. Он Вам правильно сказал, что «я хорошо к нему отношусь». Я его знаю давно, лет, вероятно, 15-16. Но дружбы у нас не получилось. Впрочем, я и не искал этой дружбы, потому что видел, что этого не могло быть. Всякий раз, когда мы оставались вдвоем, нам было нелегко. Наши «токи» не соединялись. Они производили взрыв. Мы оба чрезвычайно нервничали (внутренне, конечно). И хотя мы встречались часто, но нам ни разу не удавалось по-настоящему и тепло поговорить... Не приближение, а «отталкивание» происходило».

Так было, когда они оставались с глазу на глаз. Но когда они вместе оказывались на людях (долгие ночи просиживали за карточным столиком, в дружеских компаниях ходили «болеть» на футбол и бега, в составе различных культурных делегаций ездили по стране), им было легко и они «очень дружно и хорошо проводили время».

Вот еще несколько отрывков от того же письма: «Вам показалось, что он — «хрупкий, ломкий, уходящий в себя, бесконечно непосредственный и чистый ребенок».

Это так. Но если бы это было только так, то огромного искусства (как у него) не получилось

бы. Он — именно то, что Вы говорите — плюс к тому — жесткий, едкий, чрезвычайно умный, пожалуй, сильный, деспотичный и не совсем добрый. (Хотя от ума — добрый.)

Вот в каком сочетании надо его увидеть. И тогда в какой-то мере можно понять его искусство.

В нем огромные противоречия. В нем — одно зачеркивает другое. Это — конфликт в высшей степени. Это почти катастрофа».

«Мне его сердечно жалко. Я помню, что и я приблизительно был в таком состоянии (почти умираю). Я много раз заговаривал с ним об его состоянии. Но с ним ничего нельзя сделать. Он «сопротивляется» до такой степени, что даже не хочет представить себе, что бывают здоровые люди».

«Он любит общество — но страдает от него. Он хочет дружбы, но и этого не находит, потому что и это под запретом. Он — одинок в высшей степени».

Есть в письме и такая фраза: «...он уже давно распотрошен в моей лаборатории».

Но ведь это... себя Зощенко «распотрошил»! Все написанное им о Шостаковиче — это автопортрет. Или — если хотите — и его, Зощенко, портрет.

Именно потому и происходило «отталкивание»: оба они были одинаково ЗАРЯЖЕНЫ. Сходство психического устройства как бы исключало возможность большего, нежели взаимный интерес, приближения друг к другу.

Впрочем, случались времена, когда их несоединимые «токи» вдруг начинали себя вести наперекор всем законам. Это было тогда, когда то ли тот, то ли другой оказывался в тяжелой жизненной полосе. Когда их жестоко утюжил сталинско-жdanовский идеологический каток. В эти отчаянные для них дни и годы ни тот ни другой не прятался за чужие спины, не перебежал, как некоторые, на противоположную сторону улицы, завидя идущего навстречу того, кто попал в опалу. Когда творчество Шостаковича с высокими трибунами было всенародно объявлено антинародным, несущим «сумбур вместо музыки», Зощенко не только чаще обычного стал навещать к нему в гости, но начал с ним появляться на людях даже как бы демонстративно, всем своим видом показывая, что не разделяет точку зрения

инициаторов шумной кампании. То же и Шостакович. Когда вслед за постановлением ЦК о журнале «Звезда» и «Ленинград» и изгнанием Зощенко из Союза писателей вчера еще широкое его окружение в страхе разбежалось, Шостакович — один из немногих — не бросил загнутого в угол писателя и всякий раз, попадая в Ленинград, непременно его навещал и поддерживал. Он был единственным из старых знакомцев Зощенко, кто приехал из Москвы на его похороны.

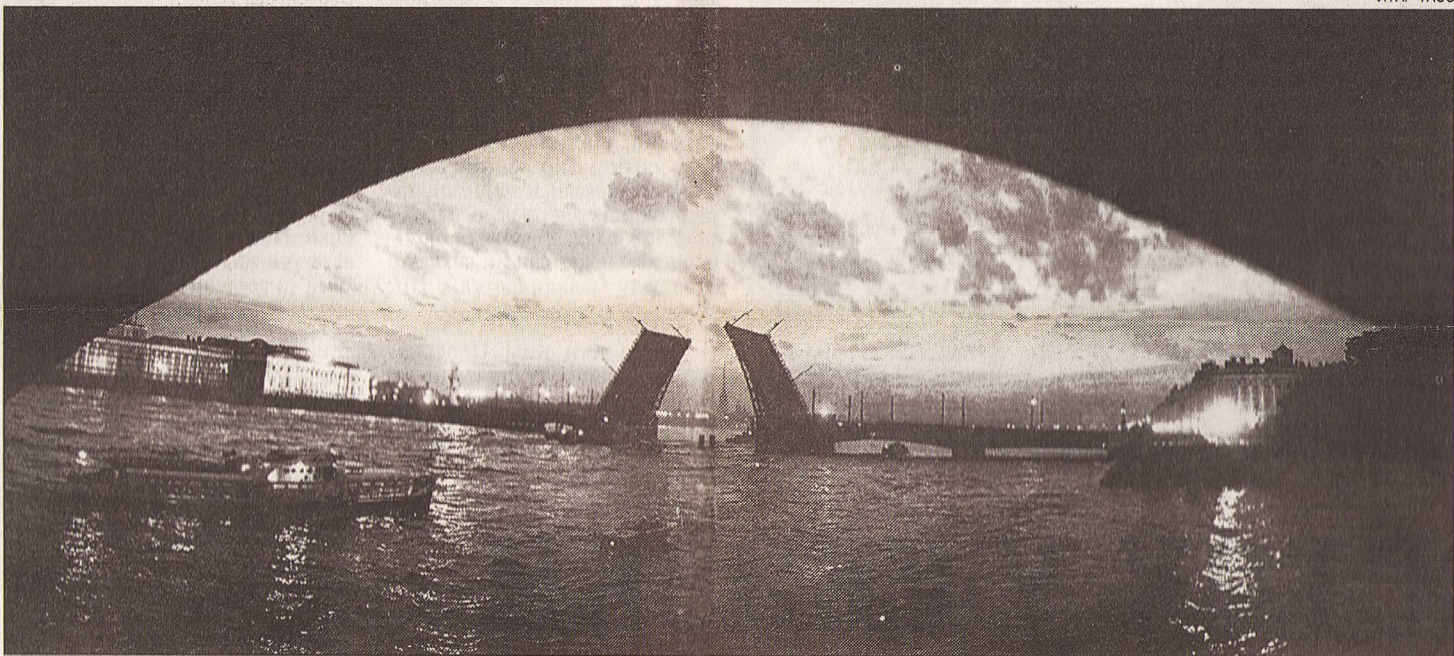
Вплоть до последних лет своей жизни, оказываясь в Ленинграде, Шостакович всегда находил время съездить на Сестрорецкие кладбище и положить цветы на могилу Зощенко. Прихрамывающего, с тяжелой отдышкой взбирающегося на песчаный бугор — таким его запомнили многие.

Публикуемые ниже страницы воспоминаний Шостаковича о Зощенко не в полной мере вписываются в привычные рамки этого жанра. Во-первых, потому, что это не цельные, посвященные одному лишь Зощенко мемуары, а подборка фрагментов, извлеченных из книги, в которой вспоминаются и многие другие люди, так или иначе причастные к жизни и судьбе великого композитора. А во-вторых, страницы о Зощенко (как и вся книга) написаны не рукой Шостаковича, а записаны с его слов живущим сейчас в США музыковедом Соломоном Волковым. Воспоминания записывались в 1974 году и предназначались для журнала «Советская музыка», однако их публикация не состоялась, и лишь пять лет спустя они были изданы на английском, а затем переведены на другие языки (на русском издания нет. Наша публикация единственная). И тут необходимо сказать, что некоторые критики на Западе высказывали сомнения в достоверности «Testimony: the Memories of Dmitri Shostakovich» (London, 1979), подозревая, что С. Волков «сфабриковал» те или иные приписанные им Шостаковичу утверждения. Однако «отсылки» именно к Зощенко те же критики признавали наиболее близкими к подлинным.

Познакомившись с текстом этих «отсылок», мы склонились к тому же мнению. Во всяком случае, противоречий с тем, что известно о взаимоотношениях Зощенко и Шостаковича, в этой части воспоминаний нами не обнаружено.

Юрий ТОМАШЕВСКИЙ

ИТАР-ТАСС

Михаил Зощенко. 30-е годы. Публикуется впервые

Сталина. Итак, Сталин заподозрил Зощенко в желании подорвать советскую семью. Зощенко нанес удар, но не окончательный. Последний удар решили произвести позднее, по той же самой причине, что и мне. Нас подвели союзники.

Точнее, на этот счет существуют три версии. Если подумать, то возникает вопрос: почему же выбрали именно Зощенко и Ахматову, почему именно эти двое стали главной мишенью? Почему именно их беззащитных выставили на позорие и забросали камнями? Одна версия примерно такова: Ахматова и Зощенко стали жертвами борьбы между двумя сталинскими подхалимами — Маленковым и Жdanовым. Говорят, что Маленков хотел стать главным идеологическим советником Сталина (довольно важный пост, вторая фигура после верховного сталинского эскутера Берия). Он стал бы эскутером на культурном фронте. Маленков и Жdanов наперебой старались доказать, что каждый из них достоин этого почетного места. После победы над Гитлером Маленков решил сделать упор на престиж страны и восславить Отечество, чтобы весь просвещенный мир открыл рот от изумления и увидел, что Россия — «родина слонов».

Маленков разработал грандиозные планы, частью которых были серии роскошных изданий русской литературы с древних времен до современности. Я думаю, эти издания должны были начинаться «Словом о полку Игореве» и закончиться, хотите верить, хотите нет, Ахматовой и Зощенко. Но Маленков так и не осуществил свой замысел — Жdanов его предупредил. Он лучше знал Сталина и решил, что хвалебные издания — конечно, прекрасно, но непоколебимая борьба с врагом, так сказать, бдительность — гораздо важнее.

Чтобы избавиться от Маленкова, Жdanов раскритиковал его планы и доказал Сталину, как дважды два, что Маленков утратил бдительность. К несчастью, Жdanов знал, что и как писали Ахматова и Зощенко, потому что Ленинград был для него «родным» городом.

Жdanов выдвинул такой аргумент: советская армия победила, мы уже в Европе, и советская литература должна этому способствовать, атаковать буржуазную культуру, пребывающую в состоянии замешательства и разложения. А чем занимается Ахматова и Зощенко? Ахматова пишет лирические стихи, а Зощенко — прозу, умаляющую наши достижения. Жdanов победил, Сталин принял его сторону, и Маленкову не удалось возложить культурный фронт. Жdanов был полностью нанесен удар по тлетворным влияниям, «по духу негативного критицизма, отчаяния и безверия».

Позднее Жdanов заявил: «А что было бы, если бы мы воспеивали молодежь в духе уныния и неверия в наше дело? А было бы то, что мы не победили бы в Великой Отечественной войне». Зощенко печатал во время войны, и его «самокопание» привело Сталина в бешенство. Он полагал, что в военное время мы должны кричать только «Ура!», «Долой!» и «Да здравствует!», а тут люди публикуют Бог знает что. Так Зощенко был объявлен гнусным, похотливым животным, у которого нет ни стыда, ни совести.

Главным, что возмутило нашего вождя и учителя, было зощенковское некорректное отношение к женщинам, и он тут же бросился их защищать. Эта тема вообще глубоко интересовала

что у Сталина к Зощенко были личные счеты. Вождя и учителя, видите ли, обидели. Несколько лет назад Зощенко, чтобы заработать деньги, написал рассказы о Ленине, и в одном из рассказов Ленин изображался как мягкий, добрый и светлый человек. А для контраста Зощенко описал грубого партийного чиновника — как исключение, только для контраста. У грубияна, конечно же, не было имени, но из рассказа было ясно, что работает он в Кремле. В рассказе Зощенко грубиян носил бородавку, и цензор сказал, что бородавку придется убрать, потому что читатели могут принять его за Калинин, нашего «президента». И второпях Зощенко допустил ужасную ошибку. Он убрал бородавку, но оставил усы. Грубый партийный чиновник в рассказе Зощенко носил усы. Сталин прочитал — и обиделся. Он решил, что это про него. Так Сталин читал художественную литературу.

Сталин пристально следил за зарубежной печатью. Конечно же, он не знал языков, но его ставили в известность лакеи. Сталин заблуждался, извещая слухи других людей и, если она казалась слишком весомой, сбрасывал их с чашки весов. Поскольку Зощенко позволяли прославиться, каждое слово, сказанное о нем, извещивалось.

Жdanов назвал его беспринципным, бессовестным литературным хулиганом. Критика в Советском Союзе — удивительная вещь. Строится она по известному принципу: бьют — и кричать не дают.

...Если вас облили грязью с головы до ног в постановлениях вождя и учителя, даже не думайте о том, чтобы отчиститься. Кланяться и благодарить, благодарите и кланяйтесь. Никто не обратит внимание на ваши возражения, никто вас не защитит, и, что самое печальное, «выпустить пар» в кругу друзей тоже не удастся. Поэтому что в несчастье не бывает друзей. Люди бросались в сторону от Зощенко на улице так же, как и от меня. Они перешли на другую сторону, чтобы не пришлось здороваться. Его громили на поспешно устраиваемых собраниях, и больше всех усердствовали его прежние друзья, которые еще вчера его хвалили. Казалось, Зощенко все это удивляло, но меня — нет. Мне уже пришлось пережить нечто подобное в молодости. Ахматову Сталин преследовал по той же причине: сказала зависть к ее славе, черная зависть. Это явное сумасшествие. В жизни Ахматовой было немало несчастий, бед и потерь: «муж в могиле, сын в тюрьме». Тем не менее «жdanовский удар» стал тяжелейшим испытанием.

Хотя судьбы наши отличались, в них было и нечто общее. Удивительно, но и для Ахматовой, и для меня война стала наиболее легким периодом. Во время войны каждый слышал об Ахматовой, даже те люди, которые никогда в жизни не читали стихов. Тогда как Зощенко читали все и всегда. Интересно, что Ахматова боялась писать прозу и считала Зощенко высшим авторитетом в этой области. Впоследствии Зощенко рассказывал мне об этом — смеясь, но с некоторой гордостью.

Перевод с английского Татьяны КАДАШ

Первая публикация на русском языке.